

Журнал "Смена"

№ 21, 1951

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Смена": № 21, 1951 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-458-54237-1

Журнал "Смена" - иллюстрированный гуманитарный журнал, с литературной направленностью. Был основан в 1924 году и был самым массовым журналом для молодежи в Советском Союзе. В начале 1990-х общий тираж журнала составил три миллиона экземпляров. "Смена" был основан решением ЦК РКСМ как журнал рабочей молодежи. Особенно-стью "Смены" всегда была литературная составляющая, часто премьерная публикация произведений была в этом журнале. Так, в первый же год издания был опубликован отрывок из повести Серафимовича "Железный поток". В разные годы в журнале печатались К. Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Алексей Толстой. После войны журнал вышел за рамки молодежной аудитории и стал популярен еще больше. В журнале "Смена" состоялась литературная премьера Станислава Лемма - впервые на русском языке был опубликован его рассказ "Проверка лояльности". В семидесятые журнал "Смена" стал журналом в котором впервые был напечатан Кир Булычев.

ISBN 978-5-458-54237-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РАДИ ЧЕЛОВЕКА

В республиканской станции санитарной авиации зазвонил телефон. Дежурная сестра подняла трубку, придвинула раскрытую тетрадь и, взглянув на большие настенные часы, вывела на чистом листе бумаги:

«11 часов 45 минут. В одну из больниц Владимирской области доставлен ребёнок двух лет с инородным телом в бронхах. Ребёнок задыхается. Необходима операция, причём весьма сложная. На месте специалиста-хирурга нет. Врач больницы признал также, что в тамошних условиях такую операцию сделать нельзя, и обратился за помощью по телефону непосредственно в Москву».

Ниже мы приводим последующие записи в тетради дежурной сестры:

«12 часов 05 минут. Дано указание Владимирскому здравотделу срочно доставить больного ребёнка на аэродром, куда за ним специально высылается санитарный самолёт.

12 часов 15 минут. Вылетел во Владимир санитарный самолёт. На борту дежурная сестра Павлова.

12 часов 40 минут. Из Владимира сообщают, что ребёнка привезли на аэродром. Ждут самолёта.

12 часов 45 минут. В Москве выслана на аэродром санитарная машина. Одновременно дано указание главврачу больницы Дзержинского района подготовиться к операции.

13 часов 15 минут. Самолёт с больным ребёнком вылетел из Владимира. На борту врач Залкинд, медицинская сестра Павлова и мать ребёнка. Состояние больного тяжёлое.

13 часов 50 минут. Звонил главный врач больницы, сообщил, что все приготовления сделаны. Для операции вызван специалист-хирург, кандидат медицинских наук доктор Маломуж.

14 часов 10 минут. Санитарная машина с больным ребёнком выехала с аэродрома в больницу.

15 часов 30 минут. Врач больницы Родионова сообщила, что ребёнок Никитин, эвакуированный самолётом из Владимира, поступил в тяжёлом состоянии. Операция прошла успешно. Состояние ребёнка сейчас вполне удовлетворительное».

В краях и республиках Советского Союза созданы станции санитарной авиации. Если нужно оказать срочную медицинскую помощь, врачи вылетают в любой посёлок, в любой аул. На с ним же: главный хирург Таджикской станции санитарной авиации Х. Д. Гаджиев и лётчик Б. А. Бритиков перед вылетом к больному.

Фото О. Кнорринга

Фото Г. Борисова

ВЕРНЫЕ РУКИ

Рядом со мной работает невысокий темноглазый парень Анатолий Кондаков. Окончив ремесленное училище, Анатолий пришёл к нам в цех токарем четвёртого разряда. Любопытный, не по годам степенный парень скоро завоевал авторитет не только среди молодых рабочих, но и среди опытных токарей-стахановцев.

Анатолий Кондаков — мой подшефный. Я помогаю ему разбирать чертежи, следить за режимом, разъясняю приёмы заточки резцов.

Немногим более года назад у нас возникло движение за продление срока службы оборудования. Начало этому движению положили кадровики, а теперь и молодёжь, недавно пришедшая на завод, по примеру опытных производственников берёт свои станции на социалистическую сохранность.

Каждый из нас, кад-

ровых рабочих, — и знаменитый токарь Павел Быков, и лучшие стахановцы Батов, Хныкин, Липкин и другие — с радостью передаёт свой опыт молодёжи, делится с ней своими знаниями и умением. Никому из нас никогда не могло бы прийти в голову скрывать от других свои производственные секреты или получать от них выгоду только для самого себя.

Мысленно я уже вижу тот день, когда мой сам будет делиться с новичками, впервые переступившими порог цеха, своим умением, мастерством, производственной сноровкой, а ещё через некоторое время и эти новички, обучившись у токаря Кондакова, будут передавать свой опыт, знания другим. В этой нескончаемой эстафете, в этой преемственности трудовых традиций,

в открытом, щедром, постоянном обмене опытом сказывается ещё одно превосходство советского стиля работы, советского образа жизни.

Каждый опытный производственник, уча друг друга, продолжает учиться сам. У нас, старых, кадровых рабочих, тоже есть шефы, учителя — научные сотрудники Станкостроительного института имени Сталина. И если, скажем, я шефствую над Анатолием Кондаковым, то руководитель кафедры резания института профессор Василий Александрович Кривоухов шефствует надо мной. Он помог мне разработать геометрию резца для резания чугуна; кафедра резания, руководимая Кривоуховым, создала отличный резец с механическим креплением и передала его мне; я консультировался с работниками кафедры резания в вопросах до-

стижения единой заточки инструментов и т. д.

Наши стахановцы читают лекции и доклады для студентов института. Знатный токарь страны Павел Быков несколько раз выступал в институтах, я читал студентам лекцию по обработке чугуна. Стахановцы завода принимают участие в научно-исследовательской работе института.

Так осуществляется тесная связь людей науки и людей практики.

...Когда я смотрю на моего подшефного Анатолия Кондакова, на Владимира Филатова, над которым шефствует Липкин, на выучеников токаря Хныкина — этих способных, восприимчивых, жадных к знаниям молодых рабочих, — я с гордостью думаю о том, что наши знания и производственный опыт попали в хорошие, надёжные руки.

Борис КУЛАГИН,
токарь-скоростник
Московского завода
шлифовальных станков

Токарь-скоростник Борис Кулагин со своим подшефным Анатолием Кондановым.

КОГДА ТОВАРИЩ В БЕДЕ...

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«СМЕНА»

Дорогие товарищи! Пошлю вам два письма нашего студента-комсомольца Марка Щеглова.

Два года тому назад тов. Щеглов тяжело заболел, и вот два года комсомольцы нашей группы шефствуют над больным товарищем. Находясь в больнице, Марк не чувствует себя оторванным от группы, живёт общей с нами жизнью и продолжает занятия. В его зачётной книжке всего две оценки «хорошо», остальные — отличные.

Сейчас Марк находится в санатории. Там его навещают друзья-студенты, преподаватели приезжают принимать экзамены и зачёты.

Марк Щеглов уже поправляется и скоро вернётся в нашу университетскую группу.

Елена МАЛИНИНА,
комсорг 3-й группы 4-го курса
филологического факультета МГУ

ПИСЬМО ГРУППЕ

Здравствуйте, дорогие друзья! Очень радостно получить от вас письмо, а ещё радостнее, пожалуй, отвечать на него.

Так и дохнуло со страниц вашего письма, а ещё больше от гурьбы ваших подписей и надписей всей атмосферой кипения, которой полон и знаменит наш факультет! Так я и увидел всех вас — деловитых, весёлых, дружных, всеуспевающих и всемогущих — с обилием трудов и увлечений, с вашей каждодневной радостью. Как будто я встретился с вами в какой-нибудь из аудиторий или в нашем коридоре.

Я тут изо всех сил стараюсь не отстать от вас и всё же отстаю. Вы вот уже прочитываете и судите ваши работы, а я пребываю ещё в самой начальной стадии: столько у меня недоумений и сомнений. Недавно только получил одобрение своих планов от М. Н. Зозули и теперь возьмусь вплотную за сочинение. И, что бы там ни было, я обязательно дам работу к концу семестра — спешу заверить в этом прежде всего уважаемого старосту Толстовского семинара.

Вы спрашиваете о моих планах и занятиях. Ужасно мне не хочется отставать от вас, тем более что мне самому чертовски верится в быстрое и окончательное исцеление, а значит, в очень скорую встречу с вами.

Ещё раз — не лишней — примите от меня, милые товарищи мои, огромное, огнемдышащее спасибо за всё, чем я вам обязан, за всю настойчивую и щедрую дружескую помощь вашей, которая гораздо больше, чем помощь.

Жму ваши руки — я и в самом деле постоянно и, по вашему выражению, крепко чувствую их, и мне поэтому море по колено.

ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ

И уж если говорить с исчерпывающей искренностью, я-то отдаю себе отчёт, что в немногих других условиях и с немногим иным характером я мог бы сделать вдвое — втрое больше того, что делаю сейчас и за что меня так захваливают. Знать, чувствовать, что ты осуществляешь лишь необходимый минимум, что для тебя нет другого пути — как же иначе? И знать в то же время, что это чудесными, едва знакомыми тебе людьми возводится в пример духовной силы и чуть ли не в героиню, — это очень неловкое состояние. Я бы очень хотел его избежать, но, кажется, это невозможно, потому что каждый, кто узнаёт о моей продолжающейся вопреки всему учёбе, прежде всего говорит: «Ах, какой вы!» Все забывают, что я ни к чёрту бы не годился один, без всех вас, товарищей и критиков, помощников и самых настоящих друзей.

КРАНОВЩИЦА ВАЛЯ ЗАЙЦЕВА

Ей не было ещё и десяти лет, когда гитлеровцы подступили к Сталинграду. Вместе с матерью (отец ушёл на фронт) Валя под бомбами врага покинула родной город. Матери не хотелось уходить далеко: верилось, что советские воины не уступят врагу город-герой. В селе Дубовке, что севернее Сталинграда, она с Валею пробыла около года. После разгрома гитлеровцев они вернулись к развалинам своего дома и начали создавать свою жизнь сызнова.

Враг уничтожил заводы, жилища, но вскоре у Вали с матерью были уже и кров и пища; мать работала, Валя училась. Незаметно пробежали годы. Валя окончила семилетку. В день выпускного вечера мать долго ждала дочку. Валя пришла вместе с подругами — радостная, сияющая:

— Мама! Мы решили на стройку поехать!..

Валя Зайцева окончила курсы машинистов порталных кранов при учебном комбинате строительства Волго-Донского судоходного канала в Красноармейске. В мае 1950 года она приехала на Цимлянский гидроузел, здесь овладела сложной профессией кранового машиниста и вскоре стала одним из лучших машинистов порталных кранов. Затем Валя научилась управлять подъёмным краном, работать на экскаваторе.

Не было дня, чтобы Валя Зайцева выполнила норму меньше чем на 150—200 процентов. Валя перевезла мать в посёлок Ново-Солёновский и теперь живёт, как она говорит, по-семейному.

На с ним к е: Валентина Зайцева на подъёмном кране за укладкой гибкой ризбермы в нижнем бьефе плотины Цимлянской ГЭС, где ныне проходит новое русло Дона.

Фото А. Моклецова

У МОЛЬБЕРТОВ РАБОЧИЕ

Как только наступают тёплые дни, многие рабочие города Черниковска (Башкирия) стремятся в заводской дом отдыха, где по берегам реки Белой природа особенно богата красивейшими уголками. Людей влечёт сюда не только отдых, но и искусство.

Живопись стала призванием многих рабочих. Кружок изобразительных искусств при рабочем клубе «Ударник», которым руководит художник Геннадий Васильевич Огородов, стал популярным уже давно.

...В большом светлом зале клуба, который в зимние месяцы служит живописцам мастерской, у мольбертов, освещаемых ярким светом юпитеров, сидят двенадцать молодых людей, только что окончивших работу в цехах. Одни последними мазками кисти завершают давно начатые картины, другие делают карандашные наброски будущих произведений, замысел которых известен пока только автору.

Молодость — общая отличительная черта всех участников кружкового занятия. Ни у одного из них ещё нет громкой славы художника, но ко многим, по мнению Огородова, она придёт обязательно, как пришла к ним слава передовых производственников.

— Ведь их труд в цехах — это тоже творчество, — говорит Геннадий Васильевич, — и если Хисамутдинов нашёл в себе силы стать лучшим модельщиком на заводе, то почему бы ему не быть столь же талантливым мастером кисти, раз у него есть большое призвание к этому виду искусства!

Жестоким коран запрещал башкирам изображать человека или природу на бумаге: это считалось одним из величайших грехов, на который мог толкнуть только шайтан. И, родись модельщик Хисамутдинов под властью корана, мы никогда не увидели бы ни его большого, полного жизни полотна «Сосновый бор», ни массы этюдов, ещё полнее раскрывающих его талант, ни «Портрета украинской девушки»...

Хороши пейзажи комсомольцев — плотника Павла Ерёмко и техника-архитектора Сергея Литвинова. Инженер-конструктор комсомолец Вадим Ворона работает над двумя полотнами — «Юность» и «Перед экзаменом»; особенно интересен замысел второй картины: студенты встречаются утро перед экзаменом у окна, распахнутого в весну, и открывающаяся в окно синяя даль столь же безбрежна, как безбрежна жизнь советского студента-выпускника...

Бригадир токарей Михаил Арефьев пишет портрет стахановца-протажника Бронислава Кулачковского. Обычно свободные от работы часы Арефьева и Кулачковского не совпадают, поэтому протяжчик позирует токарю у своего станка по воскресеньям — в общие дни отдыха. Ещё один портретист, Талгат Фаттахутдинов, маляр по профессии, решил запечатлеть на полотне своего друга, стахановца-токаря Мавляра Сулейманова.

Кружок живописи два раза в год — к 1 мая и к 7 ноября — устраивает отчётные выставки художников-рабочих. На эти выставки приезжает много гостей из Уфы, из окрестных деревень. Некоторые из них записываются в члены кружка. Так, слесарь Уфимского паровозоремонтного завода комсомолец Рашид Диваев наезжает в Черниковск в свободные от работы дни и проводит свой отдых здесь за мольбертом. Его картина «Занятия цехового политкружка», написанная в художественной мастерской клуба «Ударник», на последнем заводском вернисаже пользовалась большим успехом.

Б. КРИНИЦКИЙ

г. Черниковск,
Башкирская АССР.

ОХОТНИКИ ЗА КИТАМИ

Фото С. Когана

Второй час капитан китобойца «Слава-5» Аркадий Михайлович Морозов терпеливо обшаривал биноклем горизонт. Он стоял на мостике, высокий, широкоплечий, слегка расставив ноги. Серое небо, нависшее над океаном, вздымающиеся то там, то здесь ледяные громады, серозелёную вскипающую воду — вот всё, что видел он. Китов не было. Ветер крепчал. Он срывал с волн белые гребни, бросая ледяную пыль в лицо. Судно покрывалось льдом.

И вдруг неожиданно раздался голос:

— Справа по носу фонтаны! Курсовой угол — пятнадцать градусов!
— Приготовиться к охоте! Полный вперёд! — скомандовал Морозов. Китобоец прибавил ходу.

Из каюты выбежал гарпунёр, на ходу застёгивая дождевик.

Фонтаны неожиданно исчезли. Все, не сговариваясь, взглянули на часы: кит дышит воздухом, через 10—15 минут он обязательно вынырнет... А когда фонтаны показались над водою вновь, их было видно и невооружённым глазом: высокие, похожие на опрокинутый конус, слегка изогнутый ветром.

— Блювалы! Блювалы! — раздался радостные возгласы.

Блювалы — самые крупные животные. Они достигают тридцати метров в длину и ста пятидесяти тонн веса.

Началось так называемое «ухаживание» за китом. Теперь успех охоты целиком зависел от гарпунёра, от его опыта, от его знаний повадок морских исполинов.

Кит — животное осторожное и чуткое. Он прекрасно слышит и, когда бежит от погони, в состоянии развить скорость до 40 километров в час. Почуввав опасность, кит тотчас же вдыхает в себя воздух и стремительно погружается, сигналив под водой товарищам и детёнышам о грозящей беде.

Гарпунёр должен рассчитать, с какой скоростью и куда направить судно, чтобы подойти к животному на расстояние выстрела — 20—30 метров — именно в тот момент, когда кит будет всплывать за новой порцией свежего воздуха.

Василию Логиновичу Тупикову, гарпунёру китобойца «Слава-5», команда крепко верила: не первый год бьёт он китов.

— Говорят, киты между собой переговариваются, — шутили на китобойце. — Так наш Тупиков научился перехватывать их шифровки, подходит в самый раз!

Капитан передал управление судном гарпунёру.

— Право руля! — подал команду Тупиков, ставя китобоец навстречу волне: киты всегда ходят против ветра; так их меньше качает, им легче дышать.

Нос судна стал зарываться в волне. Гарпунёр, держась за пушку, всматривался вдаль. Вода ударяла в лицо, текла за ворот, обжигала щёки, слепила.

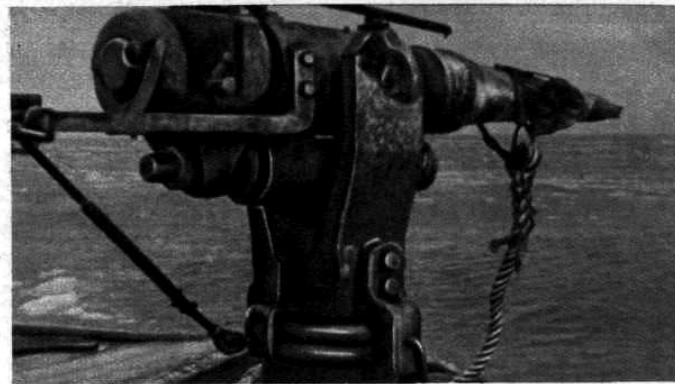
— Малый ход! — доносится с бака спокойный голос гарпунёра.

Где-то рядом должен сейчас вынырнуть кит. Все замерли в ожидании. Даже кок, человек весёлый и шумливый, в этот миг сосредоточенно смотрел на воду. Где-то появится кит...

Гарпунёр уверенно повернул пушку вправо, словно ему был хорошо виден под водой ход животного.

Один из китобойцев флотилии «Слава» во льдах Антарктики.

Гарпунная пушка.

И в самом деле, через секунду впереди и немного вправо, неподалёку от ледяного поля, показалась сначала огромная голова, а за нею тёмносерая с синим отливом спина блювала.

Гарпунёр прицелился.

— Машина, стоп! — скомандовал капитан. — Выстрел!

Гарпун со свистом, увлекая за собой лёгкий и прочный шёлковый трос, вонзился в бок киту.

Кит рванулся вперёд, выпуская фонтан крови. Затем, яростно ударив хвостом, он пошёл вниз, увлекая судно к ледяному полю. Вода окрасилась кровью. С огромной скоростью вращался барабан лебёдки.

О корпус судна забились льдины.

Двести, триста, восемьсот метров троса уже впереди китобойца, но трос всё ещё натянут, как струна. Много сил у блювала.

И, наконец, недалеко от судна, проломив тонкий лёд, снова показалась огромная спина морского чудовища. Китобоец осторожно подтягивался к мечущемуся животному.

...Торопливо закреплён на убитом животном флаг, на котором написано: «Слава-5», — и китобоец полным ходом направился искать других китов.

В. ПУШКИН

Рисунок О. Савостюка

Подвиг почтальона

Ночью выпал дождь. С вершины Мара-юрта вниз, в Дяборскую котловину, устремились шумные потоки воды. Над острыми пиками гор плыли разрозненные тёмные облака, дул холодный, северный ветер.

Комсомолка Минавар аккуратно сложила в кожаную сумку газеты и журналы и пошла на конюшню седлать своего любимого коня Картала.

Конюх Ильяс Мамед, подвигивкой, с реденной белой бородой старик, озабоченно посмотрел на горы, прислушался к водопаду Тангеруд, шумевшему в глубоком овраге, и сказал:

— Повременила бы, Минавар. Слышишь, как гудит водопад? В горах неспокойно.

— Ильяс-ата, — весело ответила девушка, — мне нельзя больше ждать. Второй день я не доставляю на пастбища газеты. Что скажут обо мне чабаны?

Картал, застоявшийся в конюшне, рванулся вперёд. Но вот просёлочная дорога кончилась. Теперь узкая горная тропинка тянулась над отвесным обрывом ущелья Тангеруд. Облака собрались в тёмнофиолетовую тучу. Преодолев перевал, конь снова вышел на просёлочную дорогу.

Нешадно хлестал дождь. В горах прошёл какой-то шум. Незаметно подкралась буря. Вокруг всё потемнело. Ветер был так жесток, что Минавар с трудом удерживалась в седле.

Вдруг Картал поднял голову и стал прыгать ушами. Справа послышался гул, и Минавар увидела, как в сторону ущелья пронеслось стадо овец.

Конь рванулся, и из-под копыт во все стороны полетели комья гряды.

Вот и стадо. Минавар перерезала овцам путь, но остановить их не могла. Они продолжали мчаться, как одержимые.

Девушину охватило отчаяние. Ещё несколько минут, и колхозное стадо погибнет.

Что делать? Минавар отпустила поводья и направила коня прямо в стадо. Картал пошёл небольшой рысью, вровень с уставшими уже овцами.

Минавар пригнулась и, ухватившись левой рукой за гриву коня, правой впилась в мокрую шерсть молодого барана. Но одной рукой поднять на седло такую тяжесть ей было не под силу, и она разжала пальцы.

При втором заходе Минавар приостановила коня, прыгнула на землю и схватила обеими руками овцу. Затем она слегка ударила Картала по передним ногам, и тот покорно опустил на колени. Вот где пригодились ей тренировки! Девушка взвалила овцу на седло и снова рванулась вперёд.

До ущелья оставалось не больше полукилометра. Дорога была наждак секунда.

Минавар обогнала стадо, остановилась и опустила овцу на землю. Овца жалобно заблеяла. Стадо, добежав до спокойно стоявшей овцы, колыхнулось и остановилось.

Девушка сняла с Картала удечку, привязала к шее овцы и погнала овцу впереди себя. Стадо покорно двинулось за Минавар. Теперь уже стадо было в безопасности.

Минавар села на камень и почувствовала такую усталость, что не могла шевельнуть ни руками, ни ногами. Только сейчас она заметила, что её правая рука была вся в осадинах.

Буря стала утихать, когда из-за скалы показалась большая серая овчарка, а вслед за ней — человек. Минавар сразу же узнала старшего чабана Сафара Сафарова. Она поднялась ему навстречу и весело сказала:

— Я привезла вам газеты.

К. ХРОМОВ

г. Ленкорань,
Азербайджанская ССР.

*Мы - советские
люди*

Мы - советские
люди

Забойщик Евдоким Рубанцев.
Фото А. Москаленко

В ЗАБОЕ

Спускаясь в лаву, Рубанцев волновался, как волнуется каждый забойщик перед первым своим рекордом. На митинге, посвящённом защите мира, он обещал дать сегодня шесть норм. Евдоким чувствовал теперь ответственность не только за своё обязательство, но и за работу других комсомольцев: он комсорг участка.

...Сгонять пласт — любимая операция забойщика. Недаром некоторые горняки эту операцию в шутку называют жатвой. И действительно, как уборке урожая предшествует длительный, упорный труд, так и сгонке угольного пласта предшествует такая трудоёмкая работа, как нарезка кутков, глубокий надбой. Евдоким разрыхлил уголь, заставил работать силы самой природы. А теперь можно было сгонять пласт.

Заходя сверху, Евдоким с радостным воодушевлением принялся за работу. Первую полосу угля он согнал за двадцать минут. Чем больше расширялась выработка, тем сильнее действовали силы естественного отжима: откалывать уголь становилось всё легче и легче.

Подымая чёрную пыль, вниз по решёткам с грохотом сыпались сверкающие глыбы. Молоток неистовствовал, лава дрожала.

Четыре года назад пришёл Рубанцев на шахту имени Румянцевца.

— Пойдёшь на выучку к Фёдору Голубятникову, — сказал ему тогда секретарь комсомольского комитета шахты. Ожнув с ног до головы плотную фигуру новичка, он добавил: — Пойдёшь, научишься и победишь.

Евдоким оправдал надежды комсомольской организации. Долго и упорно учился он у старого забойщика. Тот ничего не тайл от ученика, и Рубанцев перенял все его лучшие приёмы. Через год Евдокима назначили уже бригадиром комсомольско-молодёжной бригады. Его бригада соревновалась с бригадой Голубятникова. Ученик соревновался с учителем! Первый участок, на котором работают обе бригады, систематически циклуется, это один из ведущих участков шахты.

...Рубанцев зачищал последнее «коня», когда в соседнем, восьмом уступе прекратилась характерная дробь отбойного молотка. Там работал молодой забойщик Василий Тоберко, только два года назад прибывший на шахту.

«Неужели земляк закончил задание? — удивился Евдоким. — Может, что случилось? Надо узнать».

Быстро, не теряя ни минуты, пробрался он к Тоберко. Оказалось, что у Василия вышел из строя отбойный молоток: сломался зубок, чего раньше никогда не случилось, а запасного он, как на грех, не захватил.

Евдоким вытаскил из-за пояса новый запасной зубок и быстро приладил его к молотку Василия. После этого он помог Василию поудобнее перекрыться полном, отвёл падающий уголь в другую сторону и ушёл.

Василий на прощание благодарно кивнул ему головой. Через несколько минут и в соседнем уступе застучал отбойный молоток.

В этот день Евдоким Рубанцев и его бригада выдали на-гора несколько сот тонн угля сверх плана. А Рубанцев, комсорг участка, выполнил более шести норм. Он перегнал своего учителя.

Больше всех радовался успеху молодых шахтёров секретарь комитета комсомола Станислав Белецкий. Рад был и Фёдор Голубятников. Он гордился тем, что опыт его помог молодёжи идти вперёд.

— Теперь он ещё не то нам покажет, — сказал почётный забойщик Белецкому. — Да иначе и быть не может: характер-то у него наш, донецкий.

Ф. КОЖУХОВ

Шахта имени Румянцевца,
Донбасс.

ЗДЕСЬ

УЧАТСЯ ВСЕ

Когда гудок за Невской заставой возвещает об окончании смены, из проходных ворот фабрики «Рабочий» выходят молодые ткачихи. У многих из них в руках портфели, туго набитые книгами. Девушки спешат в вечернюю школу.

Сдав сменщице ткацкие автоматы, идёт к проходной и Нина Иванова, невысокая голубоглазая девушка со светлыми косичками. Там её ожидает подруга-одноклассница Зина Кондрашкина.

— Как твоя сегодняшняя вахта? — спрашивает Зина.

— Хорошо. Сверх плана шестьдесят метров сатина выткала, — отвечает Нина. — А ты задачу решила?

Нина Иванова и Зина Кондрашкина работают в «студенческом цехе» — так пожилые ткачи называют второе ткацкое производство, где вся молодёжь учится.

Нина Иванова окончила семилетку и думала, что для ткачихи этого достаточно. Но оказалось не так. На фабрике «Рабочий» были установлены быстроходные ткацкие автоматы. Чтобы научиться управлять новыми станками, Нине пришлось заниматься в техническом кружке. Вначале она обслуживала шесть, потом двенадцать станков, а сейчас управляет двадцатью двумя автоматами. Нынешней осенью Нина поступила в восьмой класс вечерней школы. Её подруги Зина Кондрашкина и Зина Кутилина тоже решили продолжать образование: первая

пошла в восьмой класс, вторая — в текстильный техникум.

«Каждому молодому рабочему — среднее образование» — с таким докладом выступила на общезаводном комсомольском собрании директор 136-й вечерней школы рабочей молодёжи В. Е. Борисова. Об этом горячо говорили на цеховых собраниях и во всех комсомольских группах фабрики. Начальники цехов и мастера заинтересовались, кто из молодёжи подал заявление в школу, убеждали колеблющихся. И в какой цех фабрики ни заглянешь сейчас, везде встретишь учащихся. В этом году в вечерней школе занимается 270 молодых ткачей, в текстильном техникуме и институте — 40, намного больше, чем в прошлом году.

У комитета теперь столько забот об учёбе, что пришлось создать специальный учебный сектор.

Около 300 юношей и девушек фабрики «Рабочий» занимаются в политкружках, которыми руководят лучшие пропагандисты, выделенные партийной организацией.

Более 900 рабочих фабрики повышают свою квалификацию в технических кружках и стахановских школах.

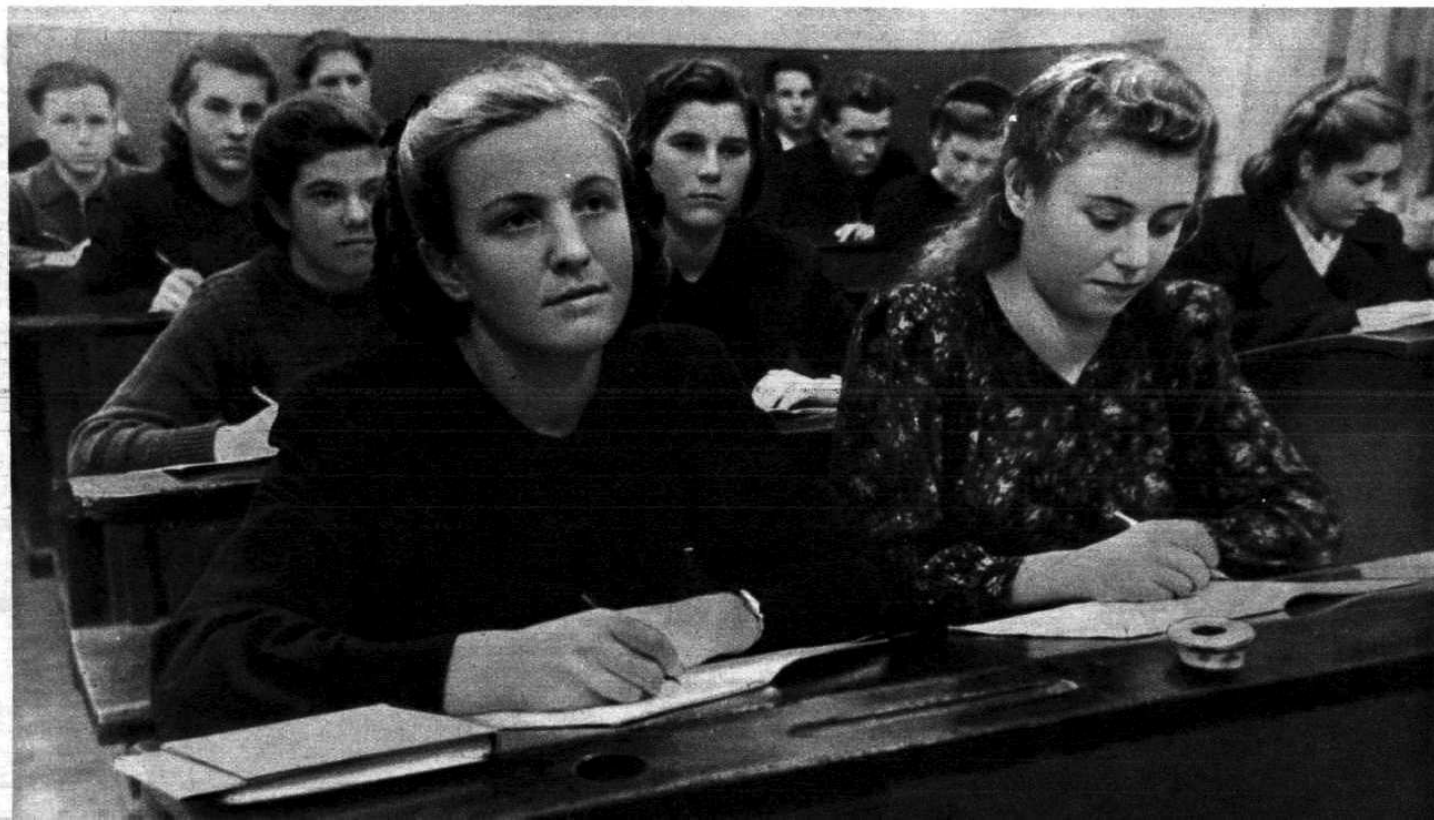
— У нас, — говорит секретарь комитета ВАКСМ Ольга Бенецкая, — нет ни одного человека, который не занимался бы в вечерней школе, техникуме, кружках технического минимума или стахановских школах. У нас учатся все!

Д. АНДРЕЕВ

Ленинград.

На занятиях восьмого класса 136-й вечерней школы рабочей молодёжи Ленинграда. На переднем плане (слева направо): ткачиха Нина Иванова и ровничница Варя Маркова.

Фото Н. Карасёва

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

Вот она, Индия! В сизой дымке тумана видны маяки, морской порт, широко раскинувшийся в вечнозелёной тропической растительности город Калькутта.

Наш теплоход «Вильнюс» доставил большую партию зерна голодающему населению Индии. Годом — страшный бич этой богатейшей и прекрасной страны, ограбленной и обездоленной английскими хищниками-колонизаторами. От голодной смерти погибают миллионы индусов.

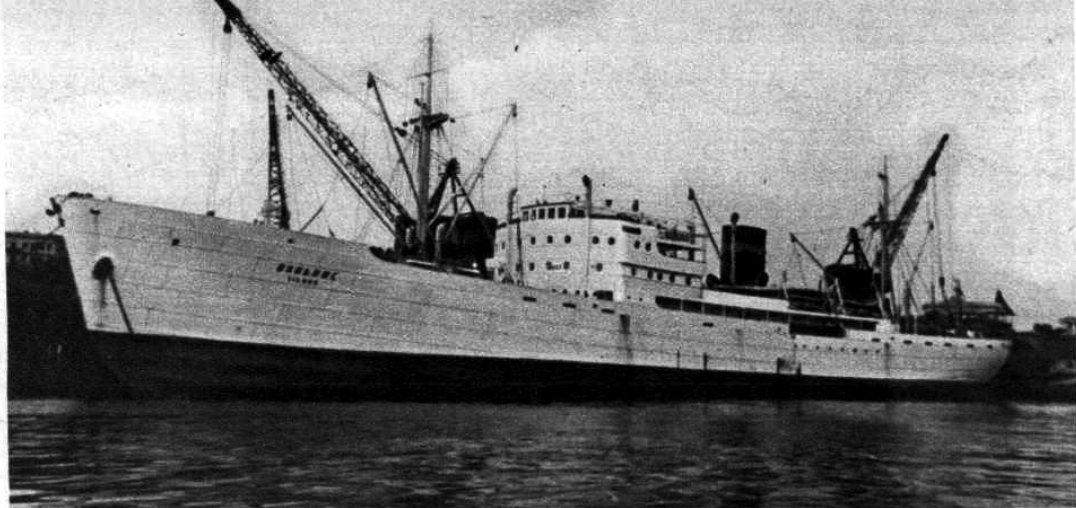
Осенью прошлого года правительство Индии, поражённой недородом, обратилось с просьбой о помощи к правительству США. Американцы поставили кабальные условия. Тогда индийское правительство обратилось к Советскому Союзу и Китайской Народной Республике.

Советские люди не могут быть безучастными к страданиям других народов. Правительство СССР немедленно снарядило в Индию суда с зерном.

Нарядный, с заново покрашенными бортами, помещениями и надраенной палубой, теплоход «Вильнюс» ошвартовался у причала. Прибытие советского судна в Калькутту вылилось во всенародное, волнующее торжество.

Нас всюду встречали, как самых близких друзей. Нескончаемым потоком шли на судно делегации трудящихся. Они просили нас передать великому Сталину и всему советскому народу свою горячую благодарность и признательность.

Калькутта — это крупный промышленный и портовый город. В центре широкие асфальтированные улицы, красивые особняки, магазины, театры, рестораны, кафе, но стоило нам поехать на окраины, и там мы увидели со-

Теплоход «Вильнюс».
Фото В. Богданова

всем другую картину: жалкие хибарки, сколоченные из кусков фанеры, бамбука, тысячи бездомных, доведённых до последней степени усталости и истощения людей, спящих прямо на мостовой, под открытым небом. В воздухе зловоние, пахнет гнилью. Повсюду кучи мусора и отбросов. Так «отдыхают» после тяжёлого, каторжного труда несчастные люди.

К нам подошла женщина, одетая в рубище, с накиннутой на голову ветхой шалью. Она протянула худую, измождённую руку.

— Мне только двадцать семь лет, — сказала она. — Я окончила институт, имею высшее образование и... безработная. Скажите, у вас в Советском Союзе все ли студенты получают возможность трудиться?

Это обычный вопрос, который нам много раз задавали бесчисленные делегации студентов, интеллигенции. Когда мы отвечали, что в Советской стране всем предоставлено право на труд, что у нас осуществлено обязательное семилетнее обучение и нет негра-

мотных, индусы слушали наши рассказы, как чудесную сказку.

Я и многие мои товарищи по работе недавно окончили Высшее мореходное училище. Мы упомянули об этом в беседе с группой студентов. Те сразу забросали нас вопросами: — А на какие средства вы учились? Сколько платили за курс обучения?

После нашего разъяснения, что во время учёбы мы находились на государственном содержании, получили бесплатное питание, обмундирование и к тому же стипендию, последовали недоуменные вопросы:

— А зачем же стипендия, если вы учились на всём готовом?

Мы объяснили, что такое положение установлено для всех учебных заведений морского флота.

— А скоро вам удалось получить работу после окончания училища? — допытывались студенты.

Этот вопрос интересовал всех, и это понятно. Дело в том, что в Индии молодой специалист после окончания учебного заведения го-

дами ищет работу и далеко не всегда её находит. Как завидовали они нам, что работу мы совсем не искали, что вместе с дипломом получили и назначение на корабль!

— Счастливые вы люди! — говорили нам на прощанье молодые индусы и горячо, по-дружески пожали руки.

После Калькутты наш теплоход зашёл ещё в два индийских порта — Мадрас и Кочин. Встречали нас так же восторженно, как и в Калькутте. В порту Кочин мы приняли на борт делегацию индийской молодёжи, направляющуюся в Берлин на Третий Всемирный фестиваль молодёжи и студентов.

Тёплые встречи в Калькутте и в других портах Индии показали нам, что индийский народ высоко ценит дружбу с советским народом, стремится к ней, потому что в советских людях он видит искренних друзей, стойких борцов за мир во всём мире, за свободу и счастье всех народов.

Е. ФИЛИППОВ,

четвёртый помощник капитана теплохода «Вильнюс»

Вы спрашиваете: всякий ли человек может быть высотником? Думаю, что всякий.

Сам я почему-то решил, что совсем не боюсь высоты, и, поступив на строительство, попросился в монтажники. Уж очень мне хотелось сразу сделаться высотником. А когда поднялся на двадцать метров и вокруг увидел пустоту, зазвенело у меня в ушах, ноги будто налились свинцом. Чувствую, что поблбднел, что лучше бы мне поскорее сесть на балку, отдышаться и слезть обратно на землю.

Работал я так день, другой, третий, а страх всё не проходил. Как-то раз выпустил я из рук кусок бумаги, глянул, как она медленно-медленно падает вниз, и показалось мне, что оборвалось что-то у меня внутри, где-то около сердца. Покачнулся я и, если бы не предохранительная цепь пояса, может быть, полетел бы вслед за бумажкой.

Вдруг вижу около себя человека. Широкоплечий, стройный, со светлыми волосами. Почти мой ровесник.

— Злостью тут, парень, не возмёмшь, — сказал он спокойно. — Ведь ты боишься и думаешь не о работе, а только о том, как бы не упасть.

— Откуда ты знаешь? — говорю. — Вот совсем и не боюсь.

А он поднял руку и взял меня за ногу ниже колена — я стоял на стремянке.

— Так, говоришь, не боишься? А ноги отчего дрожат?

— Да кто же ты такой? — рассердился я. — Чего ты ко мне пристал!

ВОСПИТАНИЕ ВОЛИ

РАССКАЗ ВЕРХОЛАЗА

— Я Осечкин.

Не было у нас на строительстве человека, который не слышал бы про монтажника Осечкина. Сменное задание звено Осечкина всегда выполняло на 250—300 процентов. Самые ответственные и срочные дела всегда поручались этому звену. О смелости Алексея Ивановича ходили рассказы среди всех рабочих-высотников. Такому человеку не стыдно было сознаться.

— Боюсь, — сказал я. — Боюсь и не знаю: бросать эту работу, что ли?

— Нет, — ответил Осечкин, — ни в коем случае, если ты любишь это дело. Я тоже вначале боялся и только потом совсем привык. Но когда надо было других приучить не бояться, ребята моего звена, я растерялся не меньше, чем ты сейчас. Вздумал было собственной лихостью доказать, что работа на высоте — пустяки. Взял да и совершил путешествие с одной балки на другую, ухватившись за крюк подвёмного крапа. Эх, и тяжёлым же мне показалось собственное тело, когда понёсся по воздуху! Осудили меня товарищи, и сам я понял, что надо действовать иначе. С «нолевой отметки», с земли, надо начинать готовиться для монтажа на больших высотах. Тогда выйдет толк. Страшно не самая высота, а боязнь её.

Ну, до свидания, парень! Послушайся меня, начинай борьбу с собою по всем правилам, без поджожек. Ты ведь сейчас сам себе можешь подножку поставить.

Ушёл Осечкин, а я один долго стоял, задумавшись, на балке. И только когда от ветра звякнула цепь пояса, сообразил я, что спокойно стою на высоте пятнадцатизатяжного дома. Наверно, в тот день я победил свою высотобоязнь. Но я всё же послушался Осечкина и начал с «нолевой отметки».

Однажды уже на высоте ста с лишним метров читал я во время перерыва газету, в которой сообщалось, что бригадирю монтажников Алексею Ивановичу Осечкину присуждена Сталинская премия. Задумался я, а ветер и вырвал у меня из рук газету. Полетела она, словно птица, я смотрел вниз на неё, и вспомнилось мне, как я качался на стремянке, привязанный к балке железной цепью пояса, а внизу стоял незнакомый молодой человек — настоящий товарищ, показавший мне правильный путь вверх.

Москва, строительство высотного здания на Котельнической набережной.

Записал А. МОРОЗОВ

*Мы - советские
люди*

Новые моря

Нам по плечу великое искусство —
Природу изменять и покорять.
Прикажем — реки мчат по новым руслам,
Прикажем — появляются моря.

Московское и Рыбинское море
Уже легли среди материка.
Девчатам на прибрежном косогоре
Волнует душу песня моряка.

А ныне экскаваторов армады
Величественно шествуют по дну

Морей грядущих —
и у Сталинграда
И у степной Цимлянкой на Дону.

Дно шире раздаётся поминутно,
Равнина отступает перед ним.
И скоро город самый сухопутный
Именован мы будем портовым.

Где скреперы гремят в степи разрытой,
Там загремят цепями якоря.
Пусть на планете все моря открыты, —
Мы открываем новые моря.

г. Николаев.

КРАСНАЯ ЛИНИЯ

А. БЕЛЯНИНОВ

В междуречье Волги и Урала, в бесконечных степях, где горячий ветер метёт пески, пролегает трасса Сталинградского самотёчного канала.

В барханах белеют палатки — целый полотняный городок. Здесь живут изыскатели — загорелые люди, привыкшие встречать восход солнца. Это они должны выдать проектировщикам планшеты с красной линией, обозначающей путь воды по Прикаспийской низменности.

С тех пор как Шаймардан Кубеков проведет, что в Фурманово прибыла экспедиция Гидропроекта, он потерял покой. Из постановления правительства, из недавно услышанного доклада он ясно представил, что даст его родным степям Сталинградский канал.

Вода. Много воды. Где-где, а здесь знают ей цену!

Шаймардан поехал к отцу посоветоваться. «Знает ли отец, что в пределах Западного Казахстана канал протянется почти на пятьсот километров? — думал Шаймардан. — Знает ли он, что от главной магистрали пойдут отводы, по которым вода попадёт на наши колхозные поля? Только пахотной земли она оросит около полутора миллиона гектаров да миллион гектаров — сенокосных угодий. А всего из канала будет обводнено и орошено шесть миллионов гектаров!»

Старик Кубеков всё это знал очень хорошо и радовался, что и ему доведётся увидеть в своих пустынных местах буйную зелень. Не сомневался он и в том, что сын его захочет идти на строительство. И теперь, выслушав Шаймардана, он тихо спросил:

— Что же ты думаешь делать в экспедиции?

— Ещё не знаю, — ответил он, — но, думаю, найдётся и для меня дело.

Мать молча поднялась, вышла в соседнюю комнату и сразу же вернулась, держа в руках толстые шерстяные носки.

— Возьми, — сказала, — они тебе пригодятся.

Вот точно так же было и несколько лет назад, когда Шаймардан уходил на фронт...

Шаймардан поступил в инженерно-геологический отряд рабочим третьего разряда.

Дело для него было новое, незнакомое. Но он не унывал: ведь сменный мастер Николай Стариков тоже не сразу стал бурильщиком. Ничего не случится. Всего можно добиться, стоит только захотеть.

В морозы и бураны метр за метром спускали бурильщики в грунт трубы, вынимали образцы пород. У Шаймардана мёрзли ноги даже в тёплых носках, связанных матерью, руки сквозь варежки ощущали обжигающий холод металла, ветер ледя-

нил лицо. Но Шаймардан шептал застывшими губами:

— Придёт конец зиме. На фронте тоже было холодно, а дела горячие делали...

Свои несложные обязанности Шаймардан освоил быстро, но этого ему было мало. Он хотел не только крутить лебёдку: ему нужно было знать, зачем и как бурят землю, по каким местам лучше рыть канал. Вот, скажем, встретились на трассе горизонты горько-солёных вод или меловые отложения. Их надо при проектировании обойти, иначе, как объяснили Шаймардану, они испортят пресную волжскую воду.

Время шло. Шаймардан настойчиво постигал искусство бурильщика. По цветам или наощупь, расгирая пальцами, различал он пески, супеси, глины всех видов, научился выбирать желонкой пльвуны — напорные пробки из мокрого тонкозернистого песка, закупоривающие скважины, — определять, каким буром брать ту или иную породу. Его назначили старшим рабочим к сменному мастеру Владимиру Зубову.

Со стороны жизнь бурильщика может показаться однообразной: закончил одну скважину и берёшься за следующую; снова ставить копёр, снова строить колонну труб и ввинчивать в грунт бур, и так без конца. Но так только кажется. Каждая скважина имеет свои особенности, свои трудности, которые надо преодолевать смекалкой и споровкой, каждая из них имеет свой собственный профиль.

И каждый раз, когда ещё одна точка на схеме канала обводилась кружком, Шаймардан испытывал радость и гордость. Нет, ни за что не согласился бы он поменять свою работу!

***

Шайдулла Кубеков всегда завидовал старшему брату. В самом деле: Шайдулла только-только научился бегать, а Шаймардан уже ходил в школу, и у него были свои тетрадки и книжки, к которым нельзя было и прикасаться. Когда началась война, Шаймардан ушёл на фронт, а Шайдулла не взяла; и молод ещё, да и здоровьем не крепко; остался он работать в колхозе. Шаймардан вернулся из армии коммунистом, с орденом Отечественной войны и медалями, отец разговаривал с ним, как с равным.

Узнав, что старший брат поступил в экспедицию, которая ведёт трассу канала, Шайдулла сказал своей молодой жене:

— Я тоже там буду. Я смогу работать не хуже Шаймардана.

Магрипа согласилась с ним, но прибавила:

— Будем вместе работать. Разве ты не понимаешь, что моё место тоже там?

Решили, что как только Шаймардан приедет, заведут с ним об этом разговор.

Шаймардан приехал неожиданно — по пути на базу. Он хорошо понимал брата: сам когда-то пережил это волнение.

— Я поговорю с начальником, — пообещал он Шайдулле. — Думаю, возьмут. Нам люди нужны.

— Хорошенько проси. Если ты не добьёшься, я сам пойду к начальнику, — сказал Шайдулла.

Ночевать Шаймардан не остался: горючил на базу. Он рассказал начальнику экспедиции о просьбе брата.

— Пусть подаёт заявление, — услышал он в ответ. — Рабочие нужны. А если он похож на тебя, тогда совсем хорошо.

— Спасибо, начальник, — сказал Шаймардан. — Мы не подведём.

К тому времени, когда Шайдулла и Магрипа приехали на трассу, Шаймардан уже был сменным мастером и подбирал бригаду для бурового комплекта. Шайдулле и Магрипу он взял в свою бригаду.

...На участок Шаймардана Кубекова мы приехали в тот момент, когда на счету нового сменного мастера появилась первая пробуренная скважина. Копёр, лебёдка, бурильные 42-миллиметровые штанги, обсадные трубы, буры — всё оборудование было погружено на тракторный прицеп. У трактора хлопотал Жумагерей Амшерев. Шайдулла озабоченно ходил возле прицепа и проверял крепления. Магрипы не было: она уехала на другую точку.

Жумагерей повернул ручку, и тишину взорвал рёв мотора. Трактор сделал круг и пополз, оставляя в песке глубокие вмятины.

Проводив его взглядом, Шаймардан подошёл к нам.

— Солнце ещё высоко, — сказал он, — успеем поставить копёр. А бурить начнём завтра с утра.

— Как себя чувствуют Шайдулла и Магрипа? — спросил я.

— Довольны. Шайдулла говорит: умру бурильщиком. А я говорю: зачем умирать? Разве это последний канал? Ещё много будет... Много изысканий...

Он стоял перед нами — высокий, широкоплечий Шаймардан Кубеков, сын этих степей, пришедший на трассу канала, чтобы помочь осуществить вековую мечту своего народа о воде.

— Кош!, — сказал он. — Тороплюсь.

И он большими шагами пошёл догонять трактор, который уже скрылся за жёлтыми узорчатыми барханами. На боку у него висела планшетка с красной линией — трассой канала, которую ему предстояло пройти. Его ждали новые дела и новые победы

1 Кош — до свидания.

На каникулы.

Дипломная работа А. Ткачёва
(Московский художественный институт имени В. И. Сурикова).

Сталинградская переправа.

Дипломная работа В. Дмитриевского
(Московский художественный институт имени В. И. Сурикова).

ВСТРЕЧИ НА ВОЛГЕ

ОГНИ В НОЧИ

Мы подъехали к Жигулёвску на рыбачьей лодке заполночь. Тёмный песчаный берег казался пустынным; от него веяло сыростью, пахло мокрой землёй, мазутом. И как-то не верилось, что великая стройка именно здесь...

Нет, конечно, верилось! Но в этой будничной простоте ночного берега было что-то поразительное — так внезапно поражает в первую минуту знакомства со знаменитым человеком его какой-нибудь очень скромный, житейский жест.

Мы зашагали вдоль берега и долго шли молча — от усталости. Волга была светлой от звёзд, небо над нами ярко и щедро горело, и только южная часть его казалась удивительно чёрной — без единой звезды. Там, невидимые сейчас, стояли горы.

Впереди нас роились огни. Три слоя огней: близкие и самые яркие — котлованные, дальше — огни посёлка строителей, а ещё дальше — слышавшиеся в одну светлую, мерцающую полосу далёкие огни городка нефтяников Жигулёвска. Мы пошли к огням. А нам навстречу неслось и с каждой минутой нарастало железное клочкотанье стройки...

И вот мы уже на земляном гребне, на самом краю котлована. Под нами, в забое, освещённые яркими лампами экскаваторы. На самом ближнем алеет звезда, прикрепленная к стреле. Трудно говорить: не слышим друг друга. Ревут моторы экскаваторов. Стремительно передвигаясь, громыхают многочисленные стальные туши ковшей. Низким львиным рыком рычат стоящие вереницей мощные самосвалы, словно от нетерпения: ждут не дождутся своей очереди подкатить к экскаватору и встать под ковш.

А над котлованом плотными клубами колышется пыль, огромная туча пыли, неоседающая, непроглядная, густооранжевая при электрическом свете, поглотившая небо и звёзды — остальные экскаваторы почти не видны из-за пыли, их угадываешь по огням. Вот алая звезда ближнего экскаватора быстро двинулась сквозь темноту и замерла. Стрела остановилась на мгновение, ковш опустился, вонзил стальные зубы в грунт и тотчас пополз вверх, наполненный землёй до краёв. В кабине мелькнула светловолосая кудрявая голова машиниста и исчезла.

Чудовищная пасть ковша уже висит над самосвалом; кажется, сейчас расплющит его, разнесёт в щепы чёрная земляная лавина. Вот пасть разомкнулась. Мгновенный глухой шум, мельканье обвала. Но мощный кузов автомашины только слегка вздрагивает под грузом, чуть приседает. Машина уносится в темноту... На её место тотчас подкатывает другой грузовик.

В этом напряжённом, чётком движении, в этих ночных огнях, блистающих в пыльном мраке, в неумолчном гуле машин, в нетерпеливом жесте шофёра, высунувшегося на миг из своей кабины: «Давай, давай, проезжай!» — и даже в исполинских холмах пыли, вздувшихся над котлованом, подобно дымящему зареву, — во всём этом громоздком, шумном и стремительном мире чувствовалась подчинившаяся ему себе, незримо присутствующая здесь во всём спокойная и твёрдая воля человека.

А человек этот был нам незнаком. Мы ещё не обменялись с ним ни словом, даже как следует не разглядели его лица. Вероятно, он должен быть каким-то особенным, необыкновенным, этот человек, участник великой стройки.

Мы подумали о том, что это великая стройка потому, что строит весь народ и строит для всего народа.

А всё, что строит народ, остаётся в веках.

Это великая стройка потому, что начата она в грозные и трудные годы. Враги человечества, предчувствуя последний час, замышляют новую мировую войну. В ней они думают найти своё спасение. Но простые люди всей земли жаждут мира. С надеждой смотрят они на нашу Родину — непобедимую крепость мира. А наша Родина ведёт гигантское строительство, и не только на Волге, но и на Дону, на Днепре, на Урале, в Сибири, в жарких песках Средней Азии... Это мирный творческий труд могущественного государства, уверенного в своей правоте и своей силе. Вот почему наша стройка вдвойне великая.

И, наконец, это великая стройка потому, что это сталинская стройка, начатая и осуществляемая по начертаниям великого Сталина.

...Вот о чём думали мы, стоя на земляном откосе и с волнением глядя вниз, в озарённую прожекторами чашу котлована, где в громовом ритме, не умолкая ни на минуту, разговаривали между собой машины.

ОДИН ИЗ ТЕХ,
КТО БОЯЛСЯ ОПОЗДАТЬ

Я много слышал об известном на стройке экскаваторщике Иване Яшкунове, видел его в работе, слышал как-то его выступление на собрании — хотелось познакомиться с ним поближе. Узнав домашний адрес Яшкунова, я решил просто зайти к нему в гости.

Быстро нашёл я маленькую, довольно чистую хатку в три окна. Она осталась одна на всей улице, остальные дома переехали отсюда, из «зоны затопления», на новое место, километра за четыре в сторону от Волги; не сегодня-завтра и её черёд...

Стучу. Открывает пожилой худощавый мужчина в выцветшей гимнастёрке без пояса. Остро глядит поверх очков. Повидимому, хозяин, и суровый!

— Кого вам?

— Иван Никифорович здесь живёт?

— Нету!

— Скажите, а вы не знаете, где он сейчас?

— А кто его знает! Я за ним не приставлен, — доносится из глубины дома ворчливый ответ.

Спустился я с крыльца, стою в раздумьи, и тут какой-то босоножий жигулёвец, гарцовавший на берёзовом прутике по двору, даёт мне драгоценную справку:

— Дядь, вам дядю Ваню? А он к нефтяникам пошёл, в футбол гоняет.

...Спустя полчаса я уже сижу с Яшкуновым на скамейке возле стадиона. Он только что вымылся после игры; загорелое лицо его ещё горит возбуждением, карие глаза блестят; он быстро и жадно курит.

— Конечно, если с начала рассказывать, это долго получится. Не успею до смены. Да и вам накутит, верно! — Он смотрит на меня, улыбаясь. Хорошая у него улыбка, чуть лукавая, мягкая и — какая-то очень добрая, юная. — У меня тут всё на глазах начиналось. Мы пионеры, можно сказать, самые первые сюда кинулись, потом уж народ валом повалил... Я, главное, опоздать боялся.

— Куда опоздать?

— Да сюда вот, на стройку. Я как демобилизовался в Ленинграде — я на флоте служил, — тут у меня встал противоречие: или в Ленинграде на заводе остаться или в деревню вернуться, в Ставропольский край. В деревню тоже хотелось, потому что председатель у нас там слабенский был. Вот я и мечтал: вернусь, думаю, водопровод проведём, станцию поставим, то, другое... Много было мыслей насчёт этого. А тут вдруг слышу: постановление о великой стройке. Сразу, можно сказать, загорелся. На Волгу — и никуда больше, точка! Я вообще такой человек — всплывчивый...

Дружок у меня, ему тоже демобилизация подошла; решили вдвоём ехать. Десятого сентября отправились. Домой я решил не ездить: опоздать боялся. Постановление-то ещё двадцать первого августа вышло, и так, думаю, три недели прошло, как бы там без нас не начали... Прилетаем это мы в Ставрополь тринадцатого числа — на каком-то, помню, колёсном чуде по Волге шлёпали, — оказалось, опасения наши напрасные были, ясное дело! — Яшкунов снова весело и добродушно смеётся, встряхнув длинным и курчавым щегольским чубом. — Никакого строительства, конечно, ещё не было. Туман, помню, сырой такой, осенний денёк, голый берег и деревня эта маячит — её теперь с берега-то перетаскали... Ну вот, всё это ещё начиналось. Профессия моя пока не нужна была — я машинист-турбинист; между прочим, шестьдесят восемь проектов турбин знаю. Главный инженер говорит мне: «Турбинист — хорошая специальность. Но у нас ещё турбин нет. Будешь пока экскаваторщиком». «Да я, — говорю, — не умею. Никогда с ними не сталкивался». «Ничего, столкнёшься. У нас, — говорит, — правда, экскаваторов тоже пока нет, но скоро будут».

И вот, пока турбин нет, назначили меня временно экскаваторщиком, а пока экскаваторов не было, кем только не работал! Всё делал, ни от какой работы не отказывался. Экспедитором был, например. Такой был экспедитор лютый — из-под земли рвал! В самые меня ответственные места бросали. За компрессорами я ездил, за наждачными кругами. Потом даже в Брест послали железнодорожный кран получать. Получил, привёз. Намучился я с ним: двадцать суток оттуда ехали. Главное, один я и крутился всю дорогу, потому механик наш такой растяпа оказался!.. Ну, ладно, это уж из другой оперы. Наконец прибыли в Куйбышев восемь экскаваторов. Послали нас их демонтировать, чтобы водой перевозить, на баржах. А здесь, на перевалочной базе, снова монтировать пришлось, правда, частично, а потом своим ходом гнать. Вот где досталось! Мороз был тридцать четыре градуса. Всю ночь работали. Утром совсем страшный мороз ударил, я себе, между прочим, нос отморозил. Тут я и встретился с Колыновым. Он машинист старый, на разных стройках экскаваторщиком работал. Суровый такой мужчина, мрачный, махорку в трубку курит.

«Иди ко мне, — говорит, — в бригаду!» «Ладно, — говорю, — Только не кричи на меня, а то я не люблю, когда кричат». «Да нет, я спокойный...» Так я к нему и попал.

Зима у нас очень трудная была. Сейчас-то всё у нас налажено, работа, можно сказать, кипит. А зимой и с жильём плохо было, и всё ещё только перевозили, оборудовали, отстраивали, а железной дороги ещё не было. Представляете? Я тогда ударную комсомольскую группу предложил создать. Работали, конечно, днём и ночью, сил не жалели. Зато такой азарт у всех был, прямо невероятный азарт! Мы, между прочим, вместо пятнадцати за пять дней все материалы из зоны затопления перевезли.

Помню, надо было обшивать фанерой порталный кран. Мо-

роз — лютый! Взглянь мы, комсомолец. К пяти утра весь обшляк, только верхушка осталась. Кому лезть? Ребята что-то жмутся, никому не охота. Я закутался, полез... Лёг там на самой вершуре, поменьше-полегоньку все шесть листов и пришёл. «Всё!» — кричу. А ребята снизу: «Ура!» Только я пришёл домой, сапоги это разу, прибегают ко мне товарищи: «Ванюшка, айда лунки долбать!» Что ж, пошёл обратно. Лунки — это для взрывчатки, тоже работка нелёгкая! Ломы долбали, а грунт мёрзлый, как каменный, ломы на кострах нагревали. Очень мы спешили пустить первый экскаватор в забой к 17 февраля — ко дню выборов.

И, надо сказать, успели! Семнадцатого числа с утра все собрались в забое, сидим, как на ножах, ждём, когда энергию дадут. Всё начальство стройрайона тут, и из Ставрополя приехали корреспонденты, политотдельцы. Все, конечно, волнуемся. В два часа дня дали энергию. Кольванов первый ковш поднял, тут и «мазы» подошли, начал грузить... Вот праздник-то был!..

Яшкунув замолчал на минуту, встал вдруг со скамьи во весь свой хороший матросский рост.

— Вот и всё, можно сказать, — проговорил он, облегчённо вздохнув. — А дальше уже не так интересно. Работа вроде лёгкая пошла, одинаковая, день в день.

— Нет, это именно и интересно, — сказала я. — Расскажите, как вы стали таким отличным машинистом.

— Как стал? Ну... тут долго рассказывать нечего. Идёмте, это по дороге можно.

Мы вышли со стадиона и медленно зашагали по пыльному, развезённому колёсами автомашин, ухабиному шоссе в сторону посёлка строителей. В обе стороны мимо нас, тяжело громя, пронеслись грузовые автомашины. Вечер был на исходе, тёмносинее густеющее небо уже посверкивало звёздами.

— Я, как первую смену отстоял с Кольвановым, вечером ему и говорю: «Я, — говорю, — папаша, через пять дней буду на рычагах работать». «Ишь ты, — говорит, — какой быстрый! Самое малое полтора месяца должен учиться». Вот мы с ним и заспорили. А я очень за его работой следил, в самую ничтожность, во всё выискал. Первый день я только двигался — вперед, назад. Второй день — ковш поднял, грузил в отвал. Но машины ещё боялся. Кольванов от меня, правда, на шаг не отходил. На третью смену на «маз» погрузил. А на пятый день уже весь цикл быстро делал. Девятого апреля меня уже на самостоятельную работу перевели.

Какие трудности, спрашиваете, были? Ну, разные... Без привычки, например, сперва очень уставали ноги. Педали ведь тяжёлые, жмёшь их, жмёшь, потом колени болят. Теперь-то ничего, ходили мои как чугунные стали. Для футбола тоже тренировка неплохая. А самое трудное было для меня взаимодействие движений. Следил за напором — забывал про подъём, следил за ковшом — забывал про поворот. Потом и это освоил. Сейчас весь цикл почти вдвое быстрее делаю, чем по норме. Да что ж удивительного: матрос как-никак; с машинами не первый раз встречаюсь! Тут, правда, новые трудности пошли. Ну, да это из другой, как говорится, оперы...

— А какие же всё-таки? — заинтересовался я.
— Да с Кольвановым начал воевать. Трудный он старик, нетерпеливый и занозистый просто ужасно! Что ни сделаешь, все не так, все не по его. Ворчит и ворчит. «Я, — говорит, — два года в помощниках ходил, а ты уж больно скорый, как бы не споткнулся!» Ну и далее в таком же роде.

Теперь недавно другой случай был. У меня работал стажёр, нагружал «мазы». Один грузовик подъехал и стал не так, как обычно: ковш должен идти через перед машины, а тут она стала задом. Стажёр не заметил, повёл ковш и кабину чуть-чуть помял. Шофёр выскокил, бледный, ругается, давай акт составлять. Я сказал, что стажёр не столько виноват, сколько шофёр. А Кольванов сразу в крик: сажай, мол, сопляков на рычаги, они тут всю технику и людей покалечат!

Сперва я, признаться, думаю, что это он от зависти: заето, что молодёжь такие успехи делает, стариков обгоняет. Даже злость меня взяла. Откуда, думаю, такие пережитки? Ну, и сам на рожон полез. Разругался с ним. А потом пригляделся — нет, что-то не то. Кричит на меня Кольванов, а у самого глаза блестят, смеются. Доволен. Как же, его ученик, а вот поди ж ты, самого учителя обгоняет! А показать это боится: как бы молодёжь не узнала, не испортилась. Вот и ворчит, поучает. С утра до вечера. Я же с ним в одной комнате живу.

— Так это Кольванов был — пожилой такой, в очках? Дверь мне открыл?

— Он, — кивнул Яшкунув. — Только мы теперь его раскусили. Покричит, поворчит, а потом к себе позовёт, усадит и начинает рассказывать. Люблю я слушать его. И все мы, молодые, любим. Большую жизнь прожил старик, много видел, много знает. И машинист первоклассный. У него есть чему поучиться. Вот и учимся. А что ворчит — пускай его. Строгость на себя напускает, а сердце-то у него доброе, хорошее...

Задумчиво и пристально поглядев на котлованные огни, Яшкунув проговорил:

— Растёт, растёт котлованище! Сегодня за ночь я его ещё кубиков на тысячу с гаком освобожу. Работа сейчас быстро пошла: много машин подбросили... Но, между прочим, работа эта для меня временная, — сказал он неожиданно. — Я о другом мечтаю: снова турбинистом стать, на турбинах работать, которые здесь будут. Мечты, говорите? А у меня все мечты сбываются, это уж точно, — он улыбнулся мягко и доверительно. — Только им подсоблять надо, мечта-то. И рук не жалеть и сердца, думать о них всё время. Вот они и сбываются...

МОСКВИЧ

Я познакомился с ним на Жигулёвской почте, куда зашёл как-то в воскресенье, чтобы позвонить в Москву. Я нарочно пришёл поздно вечером, рассчитывая, что в эти часы, да тем более в воскресенье, линия не должна быть сильно загружена.

— Москва будет через два часа, — сказала мне молоденькая черноволосая телеграфистка, одновременно принимавшая заказы на телефон.

Два часа! Ждать два часа на почте казалось немислямым. Идти домой, в посёлок — далеко. Что же делать?..

В то время, когда я удручённо раздумывал, что предпринять, вдруг с шумом отворилась дверь, и чей-то широкий, раскатистый бас весело загремел за моей спиной:

— Телеграфным работникам моё почтение, Валюше — особое! С воскресным днём вас, дочки! Как Москва, Валюша? На провое?

Обладатель баса оказался пожилым грузным человеком в белой фуражке и белом полотняном костюме — в таких здесь ходят многие.

Видимо, он очень спешил на почту, даже вспотел и теперь, стоя у барьера, энергично вытирал платком загорелый, большой и выпуклый, как у детей, лоб и толстые щёки.

— Здравствуйте, товарищ Шахов! — сказала телеграфистка, улыбаясь. — А Москва только через два часа освободится.

— Как-а, дорогуша?! — всплеснул руками человек по фамилии Шахов. — Это невозможно, родная! Через два часа — это же час ночи по московскому...

— Куйбышев занял линию, товарищ Шахов.

— Да ты пойми, золотце, у нас в Москве в час ночи все метро закрываются! Ты это учишь-аешь? А моей дочурке от телеграфа аж к заводу Сталина ехать. И учти, второй час ночи. Ты в Москве-то была?

— Да нет же, товарищ Шахов, — сказала девушка, почему-то вдруг застенчиво покраснев. — Я вот в отпуск мечтаю, под праздник...

— Ну, вот видишь! — воодушевился Шахов. — Тогда тебе, ясно, невдомёк. А расстояние от телеграфа до нашего дома — это, ну... сказать к примеру, как от Жигулёвска до Усы. Не меньше. — Шахов быстро и озабоченно взглянул на меня, и, хотя он хватил в своём сравнении километров пятнадцать лишку, я утвердительно закивал. — Вот и товарищ поддерживает, тоже москвич, вероятно? Расстояние громадное, чего говорить. И плюс к тому — второй час ночи...

— Да что ж я могу, товарищ Шахов?..

— А ты постарайся, инициативу прояви. Нажми на вашу телефонистку, пусть понастойчивей требует. Дочка моя, между прочим, тебе ровесница будет, тоже красавица. Ты, Валюша, что-то нынче больно растрёпанная сидишь. Или уж сосватана, никому нравиться не желаешь? А напрасно, ты не спеш...

Девушки за барьером прыснули со смеху, сонливость их точно рукой сняло.

Одним словом, Валюша обещала сделать всё возможное, чтобы ускорить разговор с Москвой хотя бы на полчаса. Узнав, что я тоже ожидаю Москву, Шахов предложил погулять вместе с ним по городу.

— Всё одно ждать, а вдвоём поскорее...

Мы вышли из маленькой комнатки почтового отделения на улицу. Небо было затыгнуто низкими тучами, набавившими с вечера. Ни одной звезды не блистало над головой.

Было безветренно, душно, как перед дождём. От каменных стен домов и асфальта улицы веяло теплом — город медленно остывал после дневного зноя.

Мне нравился этот маленький рабочий городок, целиком построенный нефтяниками за последние три-четыре года. Мне нравились его прямые асфальтированные улицы, обсаженные молодыми деревьями, и аккуратные ограды тротуаров, и каменные двухэтажные коттеджи с балкончиками, с мачтами антенн на острокопечных крышах, с цветами в окнах и во дворах. Мне нравились люди этого молодого города — все они казались мне молодыми, энергичными, лёгкими на подъём и удивительно дружными между собой.

На одном просторном перекрёстке мы вдруг увидели танцы. Танцевали под музыку, доносившуюся из репродуктора; одновременно кто-то подыгрывал на аккордеоне. Молодые пары в белых рубашках и девушки в светлых летних платьях кружились, шурша подошвами, прямо посреди улицы, под открытым небом. Светились в полутьме огоньки папирос, мягко звенел девичий смех, а чуть поодаль почти неслышно брэнчала гитара, и кто-то, не видимый в темноте, очень чисто и быстро выбивал на асфальте чётку.

Улица неожиданно перестала казаться улицей — она сделалась похожей на сад...

Я с любопытством разглядывал незнакомый город и в то же время почти непрерывно говорил с Шаховым о Москве. Он жадно интересовался всеми последними столичными новостями.

— Когда же вы уехали из Москвы? — спросил я наконец, удивлённый тем, что этот москвич не видел даже памятник Пушкину на новом месте.

— Когда? Могу сказать точно... — Шахов поднял голову и с минуту молчал, вычитывая что-то в уме: — Семнадцать с половиной лет назад, вот когда.

— И с тех пор ни разу не бывали?

— Бывать бывал, не часто, правда. А не живу уже семнадцать лет. Как окончил учиться в тридцать пятом году — я техникум кончал, строительный, — закатился на Дальний Восток, потом че-